

Научная статья

УДК 340.114.3

DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(1).5-13

EDN XCDEAG

Взаимодействие права и морали в процессе их трансформации

Вадим Викторович Антонченко*Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета**ГПС МЧС России, Владивосток, Россия**antovadim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена основным регуляторам социального взаимодействия в государствах прошлого и современности – морали и праву. Первая, отойдя в процессе общественного развития на второй план и уступив место праву, продолжает значительно влиять на развитие общественных отношений. Анализ взаимосвязи этих важнейших элементов человеческой культуры в процессе регуляции общественных отношений, воздействия их друг на друга и на общество, свидетельствует о неоднозначности такого влияния. Право, не учитывающее в должной мере требования морали и нравственности, приводит к формированию недемократических политических режимов и произволу власти – явлениям, несовместимым с современными представлениями о благополучии и стабильности общества и государства. Вместе с тем обслуживание правом идеологических ценностей, маскирующихся под морально-нравственные императивы, представляет собой способ управления обществом на основе манипуляции массовым сознанием. Фундаментальные ценности, которыми руководствуется общество в своем развитии, формируются не только под влиянием факторов экономической и культурной реальности, но и под воздействием политических концептов и идеологических парадигм. Недобросовестное использование диалектической связи права и морали служит, как правило, узкогрупповым интересам немногочисленных социальных слоев, играющих в государствах ключевые роли. Социальное назначение права не исчерпывается регуляцией и охраной определенных общественных отношений. Право, опосредующее интерес граждан, обязано защитить общество от воздействия на него различных идеологических, моральных и иных интерпретаций действительности, не соответствующих универсальным представлениям о личности, свободе, справедливости, равенстве и другим феноменам и явлениям окружающей реальности, присущим современному развитому государству.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

власть, государство, закон, мораль, нравственность, общество, политика, право, справедливость, этика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Антонченко В.В. Взаимодействие права и морали в процессе их трансформации // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 1. С. 5–13. DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(1).5-13. EDN XCDEAG

Original article

The interaction of law and morality in the process of their transformation

Vadim V. Antonchenko*Far Eastern Fire and Rescue Academy – Branch of St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Vladivostok, Russia**antovadim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>*

ABSTRACT

The article is devoted to the main regulators of social interaction in the states of the past and present: morality and law. The first, having receded into the background in the process of social development and giving way to law, continues to significantly influence the development of social relations. The analysis of the interrelation of these most important elements of human culture in the process of regulating social relations, their impact on each other and on society, testifies to the ambiguity of such influence. The law, which does not adequately take into account the requirements of morality and ethics, leads to the formation of undemocratic political regimes and arbitrary power, incompatible with modern ideas about the well-being and stability of society and the state. At the same time, the maintenance by law of ideological values masquerading as moral imperatives is a way of managing society based on the manipulation of mass consciousness. The fundamental values that

© Антонченко В.В., 2023

guide society in its development are formed not only under the influence of factors of economic and cultural reality, but also under political concepts and ideological paradigms. Unfair use of the dialectical connection between law and morality serves, as a rule, the narrow-group interests of a few social strata that play key roles in states. The social purpose of the law is not limited to the regulation and protection of certain social relations. The law mediating the interest of citizens is obliged to protect society from the impact on it of various ideological, moral and other interpretations of reality that do not correspond to universal ideas about personality, freedom, justice, equality and other phenomena of the surrounding reality inherent in a modern developed state.

KEYWORDS

power, state, legislation, morality, society, politics, law, justice, ethics

FOR CITATION

Antonchenko V.V. The interaction of law and morality in the process of their transformation. *Academicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2023;24(1):5–13. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(1).5-13. EDN XCDEAG

Введение

Мораль (лат. *moralitas* — нравственный) — это разновидность социальных норм, охраняемых общественным мнением и отражающих представления людей о должном и справедливом. Мораль как древнейшая форма общественного сознания, как совокупность принципов, правил и норм, которыми руководствуются социальные субъекты в своих действиях, родилась на заре человеческой цивилизации вместе с появлением общества. И мораль, и нравственность — продукты общественных отношений. Общественная мораль как свод основных правил поведения, основанных на представлениях о добре и зле, формируется в конкретно-исторический период и, как правило, выражает интересы определенной социальной группы (религиозной, национальной, имущественной и пр.).

Право (лат. *justitia* — правда) как общеобязательные нормы поведения, устанавливаемые или санкционируемые государством и обеспеченные его принудительной силой, возникло с появлением государства, поэтому оно не может не учитывать моральных норм, длительное время до того добровольно признаваемых социумом. Необходимость в праве возникает, когда моральных норм недостаточно для регуляции общественных отношений либо они неэффективны. За несоблюдение принятых норм этот социальный регулятор устанавливает юридическую ответственность.

Поскольку нормы морали и права служат единой цели сохранения социального равновесия, постольку они представляются социальным благом, отражающим интересы общества в целом. Нарушение моральных и правовых норм влечет за собой разные негативные последствия для нарушителя, однако право, имеющее в своем арсенале юридические санкции, вовсе не является, как может показаться, более жестким регулятором, чем мораль, грозящая лишь обще-

ственным порицанием: переживания и эмоции человека в случае нарушения им моральных норм, связанных с такими понятиями, как долг, честь, репутация, а также общественное осуждение, могут оказывать большее влияние (и, соответственно, сильнее побуждать к определенным действиям), чем последствия по закону.

Право и мораль, являясь автономными образованиями, имеющими вполне самостоятельное значение регулятивных социальных феноменов, играют собственную роль и оказывают свое особенное влияние на жизнь общества. Моральные и нравственные нормы, составляющие механизм духовного воздействия на сознание отдельного человека или социальной общности, всегда используются для формирования общественного мнения, побуждающего людей к общественно одобряемым поступкам. При этом общественно одобряемыми могут быть идеи, как выражающие интересы общества, так и вредящие ему. Манипуляция общественным сознанием способна не только представить социальные, государственные и межгосударственные процессы в необходимом манипуляторам «моральном» либо «аморальном» контексте, но и активно их развивать в выгодном для них направлении. Отражая принципы как начала, лежащие в основе человеческой деятельности, являясь мерилем справедливости, нормы права и морали в значительной мере совпадают и характеризуют степень зрелости общества и эволюции государства.

Соотношение права и морали

Вопрос о соотношении права и морали, существующий в обществе тысячи лет, является крайне непростым и, несмотря на все усилия философов и правоведов, не имеет своего однозначного решения и сегодня. Как преступные идеи овладевают общественным сознанием? Как искаженная мораль получает социальное одобре-

ние? Может ли право регулировать и эту, неспецифичную для себя, область социальной действительности?

Сегодня юристы в подавляющем большинстве придерживаются нормативистских взглядов в рамках позитивистского правопонимания, в соответствии с которым право — это существующее в государстве законодательство. Вместе с тем позитивистский подход, не учитывающий базовые естественно-правовые начала, дает немало поводов для критики. Достаточно сказать, что все известные геноциды осуществлялись политической властью государств в соответствии с действовавшим в этих странах законодательством (Германия, 1933–1945 годы; Камбоджа, 1975–1979 годы; Руанда, 1994 год и пр.). Однако подобные преступные действия властей, даже опирающихся на правоохранительные органы и армию, не могли бы достичь такого размаха без широкой поддержки общественности, поддерживающей аморальные идеи и безнравственные цели.

Мораль (как и право) создает не все общество, а определенный его слой, обладающий достаточными возможностями, позволяющими пропагандировать, популяризовать и распространять идеи о правильности (неправильности) тех или иных действий. Сложно возражать моральным релятивистам — от древнегреческого Пиррона до Ф. Ницше (F.W. Nietzsche) — в том, что мораль формируется политической элитой общества, сосредотачивающей в своих руках власть и навязывающей обществу свои этические ценности. Эти идеи, соответствующие интересам и ценностям их создателей, получив со временем достаточное общественное признание, могут быть закреплены в виде правовых норм. Отдельные люди или группы людей вряд ли способны противиться общепринятым моральным правилам поведения. В случае легализации моральных (аморальных) норм в законодательстве они, теперь уже защищаемые государством, становятся неуязвимыми для нарушения или даже для критики.

Мораль имеет много общего с религией: и то, и другое — продукт культурно-исторического развития, который, как система концептуально оформленных идей, выражает интересы различных субъектов общества и через свои правила санкционирует существование определенного, отвечающего этим интересам, порядка. Мораль и религия во имя своего «бога» способны не только допускать нарушение правовых и нравственных норм, но и с легкостью нарушать собствен-

ные заповеди в отношении представителей иных воззрений и религий.

Моральные устои, связанные с социальной сферой, очень разнообразны. Существует мораль святости и благочестия, мораль общества «равных возможностей», мораль власти и иерархического общества. Моральные (они же социальные) консерваторы могут считать, например, неприемлемыми добрачный секс, аборт, межрасовые браки и тому подобные явления, ставшие в развитых странах в наши дни обыденными.

Известна «буржуазная» мораль, которая, по К. Марксу (K.H. Marx), попирает все человеческие законы при 100 процентах прибыли, а при 300 процентах нет такого преступления, на которое бы капитал не пошел даже под страхом виселицы [1, с. 764]. Ее антипод — «коммунистическая» мораль, полагаемая определенными представителями общества высшей ступенью нравственного прогресса [2, с. 413], тем не менее стала морально-нравственным обоснованием уничтожения целых классов и слоев общества через физическое истребление миллионов людей. Своя «мораль» есть и у преступного мира, у государственных тираний и деспотий. Моральные правила всегда условны и изменчивы так же, как изменчиво само общество. Человечество знает множество примеров того, как мораль, казавшаяся незыблемой, в скором времени менялась на противоположную.

Мораль на протяжении всей истории человечества обслуживала групповые идеалы (классовые, сословные и пр.) и корреспондирующие им интересы и ценности. Она обеспечивает (или должна обеспечивать) привлекательность этих идеалов и ценностей для всего общества, в котором методы прямого принуждения и очевидного насилия перестают обнаруживать свою эффективность. По меткому наблюдению классика русской литературы И.А. Гончарова, «добровольно взятое на себя иго — уже не иго: оно легче и охотнее переносится, особенно когда подкладкой ему служит симпатия. Мы всегда охотнее даем то, чего от нас не требуют и чего мы не обязаны давать» [3].

И мораль, и нравственность — это продукты общественных отношений. Моральные и нравственные нормы, составляющие механизм духовного воздействия на сознание отдельного человека или социальной общности, всегда используются для формирования общественного мнения, побуждающего людей к общественно одобряемым поступкам. При этом общественно одобряемыми могут быть идеи, не выражающие интересы общества и даже вредящие ему. На-

пример, подавляющее большинство участников военных конфликтов, ведущихся на Земле практически постоянно, вряд ли имеет представление об их истинных причинах и целях; лишь крайне незначительная часть общества знает настоящее положение вещей, но скрывает его, манипулируя общественным сознанием с помощью идей, вызывающих патриотические порывы даже на несправедливых войнах.

Категорический императив (нем. *kategorischer Imperativ*, от лат. *imperativus* — повелительный), сформулированный И. Кантом (I. Kant), настаивает на абсолютном подчинении человека закону морали, выше которого ничего не может быть [4]. Однако уже через полтора столетия народ, представителем которого являлся этот величайший гуманист эпохи просвещения, создал в центре Европы один из самых зловещих и кровавых режимов в истории человечества. По признанию некоторых высокопоставленных чиновников нацистской Германии, именно Кант стал выразителем чистой нордической немецкой души. Один из главных организаторов Холокоста, осужденный за участие в уничтожении миллионов человек, А. Эйхман (O.A. Eichmann) оправдывался в суде тем, что, вдохновляясь идеями этого философа, выполнял свой долг [5].

Мораль определенного социума дает санкцию на деяния, которые могут противоречить нравственным установкам личности, а легкость, с которой человек обращается с моральными нормами, способна поставить под сомнение и само существование морали. Даже нравственно-религиозный запрет на убийство человека легко преодолевается, когда необходимость убийства обосновывается «высшими» целями и ценностями; более того, такое убийство моралью даже поощряется. Действия незнакомых между собой миллионов людей, убивающих друг друга в войнах, получают социальное одобрение и общественное признание, а развитие технологий уничтожения, позволяющих сторонам производить убийства анонимно и дистанцировано, способно и вовсе освободить людей от морально-нравственных переживаний по этому поводу.

Нравственность отличается от морали тем, что принадлежит не обществу, а конкретному человеку. Нравственные правила — это личные убеждения лица о «должном» и «не должном». Существует мнение (опирающееся, в основном, на религиозное мировоззрение), что, будучи индивидуальной особенностью человека, нравственность в своей основе неизменна и абсолютна (Н.А. Бердяев [6], В.С. Соловьев [Цит.

по: 7]). С этим вряд ли можно согласиться. Само наличие у человека внутреннего «нравственно-го» регулятора, опосредующего индивидуальные представления о «добре» и «зле», о «хорошем» и «плохом», предполагает, что данная личностная характеристика, определяющая внутренние установки индивида действовать соответствующим образом, может успешно корректироваться в соответствии с потребностями самого человека либо его окружения.

Нравственность отдельного человека не может быть свободной от общественной морали; здесь невольно вспоминается знаменитое изречение В.И. Ленина о том, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [8, с. 104]. Данная работа классика посвящена, в частности, роли партийной литературы как средству пропаганды, выражающему взгляды определенной политической организации на правильное устройство общества.

Диспозитивность морали и трансформация права как средство манипуляции общественным сознанием

Мораль и нравственность диспозитивны, непостоянны и изменчивы. Очень хорошо трансформация человеческой морали и нравственности, их зависимость от ситуации и внешних даже не очень значительных изменений среды, описана в исследованиях Ф. Зимбардо (Ph. Zimbardo) [9]. Анонимность, принадлежность к какому-либо сообществу, получение даже незначительных властных полномочий или иной выгоды — все это способно изменить моральные и нравственные установки личности на противоположные в самый короткий срок. Зимбардо сравнивает механизм трансформации моральных и нравственных устоев с выключателем, способным изменить их почти мгновенно. Учитывая результаты его масштабных «полевых» исследований, с этим трудно не согласиться.

Общественная мораль, используемая для политических целей, а также область психологического воздействия на объекты политики для программирования их поведения, требуемого властью или стремящимся к власти субъектами политики, формирует в обществе определенную идеологию. Любая идеология всегда выражает мировоззрение и морально обосновывает интересы политических субъектов: классов, общественных страт, слоев, групп. Идеология, убеждающая в объективности определенных морально-нравственных ценностей, способна превратить частные интересы в сражение миро-

воззрений, оставляющее после себя выжженные поля, к сожалению, не только в метафорическом смысле (Россия, 1918–1922 годы).

История показывает, что в рамках идеологии возможно оправдать любую, самую немыслимую и зловещую идею. Вполне укладывалось в нормы и правила морали определенного социума в конкретное время и было общественно одобряемым и сжигание людей на кострах во времена Средневековья, и рабство, и крепостничество, «затянувшиеся» в некоторых странах до второй половины XIX века (а кое-где существующие и в наши дни), и уже упомянутые многочисленные геноциды.

Представляется, что даже неправовой (с позиций естественного права) закон способен принести человеку меньше вреда, чем безнравственная мораль, внушенная обществу. С правом люди сталкиваются при выполнении юридически значимых опосредованных государством действий, мораль же, содержащаяся в коллективном сознании, регулирует гораздо более широкую сферу жизнедеятельности, оказывая влияние, в том числе на мысли и чувства людей, обеспечивая не просто признание и выполнение неких правил, а заставляя полагать эти правила собственными убеждениями человека.

Манипуляция общественным сознанием с целью трансформации морали под нужды правящей элиты может считаться успешной в том случае, если ее объект (общество) полагает себя автором (или соавтором) формирования новой системы ценностей. Не всегда пропагандируемые идеи соответствуют интересам всего социума. Классическим примером подобной трансформации общественной морали является, например, теория окна политических возможностей (популярная в публицистике, тяготеющей к теориям заговоров, как концепция окон Овертона), следование которой позволяет эффективно внедрять в сознание общества идеи, которые оно будет считать своими [10; 11, с. 83–93]. Соглашаясь с обоснованной критикой данной теории, следует все же признать: социальные коммуникации и современные информационные технологии сегодня таковы, что обладают невиданными ранее возможностями по воздействию на систему социальных ценностей и переформатированию идей от неприемлемых до закреплённых в морали и праве.

Человечество видело много примеров, когда нравственные категории добра и зла использовались для оправдания противоположных действий. Для манипулирования общественным мнением с целью утверждения значимости

определённых социальных ценностей и идей, выражающих интересы тех или иных социальных групп, используется пропаганда. Так, обозреватели руандийской радиостанции RTLM, поощряя убийство людей в ходе геноцида тутси в 1994 году, призывали: «Вы миновали некоторых врагов. Вы должны вернуться туда и покончить с ними. Могилы еще не полны!» И этот призыв имел большой успех [12, с. 106].

Сегодня, как и тысячи лет назад, продолжают существовать страны, правящие элиты которых присваивают имеющимся у них интересам общенациональный статус, формируют веру общества в том, что их убеждения имеют под собой моральную основу, а их ценности не подлежат критическим оценкам. Например, с точки зрения народности хуту убийство — это плохо, но убить представителя народности тутси — хорошо. На основании этой морали в результате организованного властями геноцида тутси за три с небольшим месяца было убито более 1 млн человек (Руанда, 1994). Подобная двойственность морали свойственна для всех войн на земле, поэтому идеалы, популяризируемые пропагандой, должны быть как минимум открыты для критического научного анализа, способного разоблачить манипуляции с общественным сознанием.

Желание поступить правильно, основанное на вере в моральные принципы, заставляет людей отказываться от защиты своих интересов в пользу неких «должных» и «вечных». С этим, однако, спорит Ф. Ницше, отвергающий концепцию общего блага, поскольку то, «что может быть общим, всегда имеет мало ценности». Его мораль направлена не на пользу всему обществу, а на интерес созидательного индивида — сверхчеловека. Критикуя все возможные интерпретации естественно-правовой доктрины, не только оправдывая правовое неравенство людей, но и придавая ему статус высшей справедливости, Ницше считал демократию упадочной формой государства, закрепляющей «стадные инстинкты» [13]. Неудивительно, что более поздние интерпретаторы успешно адаптировали его учение к потребностям идеологии фашизма и нацизма.

Дефекты морали и нравственности не всегда объясняются целенаправленным воздействием заинтересованных лиц и социальных групп. Зачастую корень этих проблем кроется в человеческой психике. Даже вера людей в справедливость как должное воздаяние за деяния может привести людей к противоположным (несправедливым) выводам. Люди, верящие в справедливость бытия, предполагают, что каждый человек получает

по своим заслугам. Например, они готовы подержать жертв происшествий и преступлений, скомпенсировать своим участием их страдания. Однако если эта компенсация требует больше, чем человек готов отдать (как в материальном, так и в морально-психологическом плане) или вовсе невозможна, люди склонны наделять самих потерпевших отрицательными чертами. Например, жертвы насилия обвиняются в неправильном поведении, одежде, макияже и даже месте жительства. Так психика подменяет несправедливость случившегося выдуманной «справедливостью» и примиряет людей с действительностью [14; 15].

Таким образом, понятия морали, нравственности и справедливости не только очень субъективны и не имеют критериев, которые бы удовлетворяли всех, но и изменчивы в зависимости от условий среды. Право могло бы объективировать эти понятия и придать им устойчивость, если бы не было доказано в судебном порядке, что и оно само может быть неправовым [16]. Разрешить эту коллизию может только критическое мышление, основанное на безусловном приоритете естественных прав, заложенных в природе человеческого бытия. Очистив общественную мораль от идеологии, пропагандистских штампов, политической цензуры мы обнаружим, что она в целом соответствует личным интересам и ценностям людей. Изложенное неизбежно приводит к вопросу о том, существуют ли универсальные ценности, которые могли бы быть положены в фундамент права и морали большинства государств и граждан.

Нормативизм и либертарная концепция права

Сравнение нормативистской и либертарной концепций права представляется полезным для выявления сущности права, составляющей ядро правовой теории и оказывающей воздействие на общественные отношения в процессе практической правореализации.

Нормативизм, родоначальником и наиболее ярким представителем которого является австрийско-немецкий теоретик права Г. Кельзен (H. Kelsen), отграничивает право от морали, нравственных оснований и социальных предпосылок, а юридическую методологию — от методов иных, неправовых, областей знания [17]. От иных социальных норм и соответствующих им нормативных систем право и его нормы отличаются опорой на принудительную силу государства. Государство, продуцируя право и защищая правопорядок, отождествляется с ними. В силу этого любое государство, независимо от осо-

бенностей его политического режима, является правовым. Очищая право от морали, идеологии и политики, нормативизм выделяет его инструментальную сущность в процессе функционирования. По-своему открывая структуру правового познания, нормативисты отрицают правовую идеологию как мнимую реальность. Право по Г. Кельзену — это эффективный правопорядок, включающий в себя как общеобязательные, установленные государством, нормы, так и процессы правореализации и правоприменения. Нормативизм, провозглашая необходимость строгой формализации права и устранения противоречий в законодательстве, отказывает праву в признании за ним общесоциальных функций и аксиологического значения.

Либертарная (от лат. *libertas* — свобода) теория права (В.С. Нерсисянц, В.А. Четвернин, Н.В. Варламов и др.) рассматривает право как всеобщую и необходимую форму равенства, свободы и всеобщей справедливости. Правовое равенство является формальным, оно опосредовано правоспособностью, определяемой правовой нормой, и лежит в основе стремления к равенству социальному. Социальное равенство — не данность; люди никогда не будут равны по своему социальному и имущественному статусу и даже, ранее того, по своим физическим и интеллектуальным способностям. Правовое равенство — лишь вектор, указывающий обществу направление его развития, недостижимый идеал. Вместе с тем представляется, что человечество, полагаящее себя цивилизованным, вряд ли может противопоставить принципу равенства иные, противоречащие ему, воззрения.

Право является главным источником и гарантом независимости всех субъектов общественных отношений, а также мерой свободы, опосредованной законом. Право наделяет лиц, а также государство возможностью пользоваться субъективными правами и одновременно устанавливает их пределы, пресекая злоупотребления и произвол. Социальная свобода, как и равенство, представляется главным критерием развития общества и меры социокультурного прогресса государства. По мнению В.С. Нерсисянца, свойством права является и справедливость [18; 19]. Право рационализировать справедливость, придавая ей характер правомерности. Отделяя справедливость, как содержание внутренней природы права, от закона, который может быть несправедлив и таким образом не являться правовым, автор следует, по существу, за мыслителями эпохи Просвещения (Вольтер, Ж.Ж. Руссо, И. Кант и др.), принципы

рационализма и свободомыслия которых легли в основу естественно-правовой концепции правопонимания.

Таким образом, морально-нравственная категория справедливости является объективной, а властное предписание (закон) всегда выражает чью-то волю и потому субъективен. Закон будет правовым лишь в том случае, если в нем совпадают юридическое (объективное и моральное) содержание и законодательная (субъективная) форма. Легитимность закона (и власти в целом) опирается на его правовое содержание, опосредованное категориями равенства, свободы и справедливости. Эти принципы, одновременно являющиеся и моральными императивами, выражаются во всех формах бытия права: в правовой норме как правиле поведения, правоотношении, правосознании и в юридическом процессе.

Либертарно-юридическая концепция права, как и либертарианские течения XX века, полагающие свободу и равенство основой государственного и общественного уклада, аксиологически является современной интерпретацией философских течений и общественно-политических практик либерализма — одной из ведущих идеологий в мире. Представляется, что либеральные ценности равенства, личной свободы, приоритета прав человека, народного суверенитета и правового государства, неприкосновенности личной жизни и частной собственности, религиозной терпимости могут считаться универсальными. Универсализм данных ценностей объясняется тем, что провозглашающие их идеологии опираются на фундаментальные потребности, обеспечивающие выживание индивида и прогресс всего общества. Практика политико-правового строительства свидетельствует, что перцепирование этих ценностей позитивным правом выводит государства, как правило, в разряд наиболее развитых, успешных и безопасных.

Юридические концепции, возникая из практической правовой деятельности, сами существенно влияют на нее. Например, основные взгляды на соотношение права и морали, отделения первого от второго, моральные основания права представлены в известной дискуссии между Г. Хартом (H.L.A. Hart, Великобритания) и Л. Фуллером (L. Fuller, США) по поводу проблемы действия закона в нацистской Германии, связанной с конкретными уголовными делами. Первое дело касалось привлечения к ответственности военнотружущаго, высказавшего негативные суждения о нацистском режиме и привлеченного к уголовной ответственности по

немецким законам в 1944 году. Солдат был приговорен к смертной казни, но приговор не был приведен в исполнение. Второе (1949 год) касалось его супруги, по доносу которой он и был арестован. Женщину обвинили в незаконном лишении мужа свободы, но она отрицала свою вину, говоря о том, что муж был осужден по действовавшим в Германии законам.

Г. Харт, придерживаясь позиций юридического позитивизма, утверждал, что человек, в том числе и правоприменитель, должен соблюдать действующий закон независимо от того, соответствует ли он его моральным принципам. Признавая существование несправедливых законов, Г. Харт считал, что нарушение справедливости в праве менее опасно для общества, чем лишение права общеобязательности как одного из его основных признаков [20]. Возражая оппоненту и исходя из юридического понимания морали, Л. Фуллер полагал, что любой закон должен опираться на справедливость и моральные принципы. Общество должно понимать и принимать требования закона [21].

Представляется, что указанные позиции не противоречат, а дополняют друг друга. Дилемма соотношения права и морали в правовом государстве решается в пользу закона: последний, исключая различные толкования, подчиненные частной (в том числе и властной) конъюнктуре, должен быть выше морали. При этом моральные основания права являются основополагающим его элементом; мораль должна быть законна, каковой она будет, имея в своей основе универсальные ценности, признаваемые большинством общества.

Выводы

Дорога, по которой шло человечество к сегодняшнему цивилизованному состоянию, не была простой и прямой. С развитием общества трансформируются представления людей о благе и должном, о справедливости. Заплатив большую цену за ошибки, стоившие ему неисчислимых страданий и гибели миллионов людей, общество должно признать (и в текстах конституций большинства современных государств признает), что универсальные ценности все же существуют: это право на жизнь, свободу и безопасность; право на семью, уважение личности и собственности; право на равенство с другими людьми. Представляется, что сегодня эти ценности можно полагать истинно значимыми для человека, и они должны быть возведены в абсолют. Только положив эти истинные интересы в основу формирования мора-

ли, нравственности, права и идеологии, гражданское общество способно распознать демагогию, защитить себя от правовых и моральных ошибок, от всех видов фанатизма и авторитаризма.

Праву, декларирующему приоритет прав человека, должна соответствовать и правоприменительная практика. Даже незначительное нарушение этого принципа способно спровоцировать правовой нигилизм и формирование в обществе атмосферы неуважения к закону. При неблагоприятной ситуации такое положение может привести не только к отчуждению власти от общества, но и к крушению морали и краху права. Это неизбежно вызовет социальную напряженность, влекущую за собой угрозу стабильности общества и безопасности государства [22, с. 497–514]. Наша страна сталкивалась с такой ситуацией в 1917 и 1991 годах. В первом случае крушение морали и крах права были отягощены мировой войной, во втором — экономическим кризисом. В обоих случаях это обернулось разрушением государства и катастрофой для общества.

На воспитании уважения к истинным морально-нравственным ценностям, не сведении

права только к закону должна строиться работа всех органов власти и прежде всего правоохранительных органов, сотрудники которых должны ежедневно доказывать этическую безупречность своей деятельности.

Даже в демократических правовых государствах общество неоднородно и не защищено от противоречий и конфликтов. Именно на праве лежит обязанность согласовывать между собой интересы различных социальных групп и слоев. Выполняя эту функцию, право должно защищать указанные фундаментальные ценности от влияния факторов экономической или политической целесообразности, воздействия каких бы то ни было идеологий и политтехнологий. Особенно велика роль права в кризисные моменты, от которых не застраховано ни одно государство. Кумулятивный эффект от сложения усилий правовых и моральных предписаний, защищающих реально существующие ценности, способен обеспечить стабильность и прогресс государства, а правовая идеология и правоприменение, отдающие предпочтение приоритету общечеловеческих ценностей, — благополучие и безопасность граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маркс К. Капитал / К. Маркс. — Москва, 1949. — Т. I. — 932 с.
2. Ленин В.И. Сочинения : в 30 т. / В.И. Ленин. — 3-е изд. — Москва, 1935. — Т. 30. — 482 с.
3. Гончаров И.А. На родине / И.А. Гончаров. — Москва : Сов. Россия, 1987. — 397 с.
4. Кант И. Метафизика нравов / И. Кант. — Москва : Родина, 2019. — 272 с.
5. Арентт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / Х. Арентт. — Москва : Европа, 2008. — 424 с.
6. Бердяев Н.А. Духовное состояние современного мира / Н.А. Бердяев // Путь. — 1932. — № 35. — С. 56–68.
7. Буллер А. В.С. Соловьев и современность: О некоторых аспектах философии В.С. Соловьева / А.В. Буллер. — Москва : Наука, 2018. — 135 с.
8. Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. — 5 изд. — Москва, 1968. — Т. 12. — С. 99–105.
9. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера / Ф. Зимбардо. — Москва : Альпина Нонфикшн, 2014. — 744 с.
10. Верещагин О.А. Фрейм-аналитика: опыт эпистемологического исследования / О.А. Верещагин, Н.Е. Белова. — EDN YIDFMH // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2015. — Вып. 6. — С. 302–306.
11. Володенков С.В. Окно Овертона — манипулятивная матрица политического менеджмента / С.В. Володенков, С.Н. Федорченко. — EDN TORFBD // Обозреватель. — 2015. — № 4. — С. 83–93.
12. Annan K.A. The Media and the Rwanda Genocide / K.A. Annan. — London, 2007. — 480 p.
13. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. / Ф. Ницше. — Москва : Культурная революция, 2005–2014. — Т. 2–6.
14. Lerner M.J. Just world research and the attribution process: Looking back and forward / M.J. Lerner, D.T. Miller // Psychological Bulletin. — 1978. — Vol. 85. — P. 1030–1051.
15. Lerner M.J. Observer's reaction to the «innocent victim»: Compassion or rejection? / M.J. Lerner, C.H. Simmons // Journal of Personality and Social Psychology. — 1966. — No. 4. — P. 203–210.
16. Признать виновными. Приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге / авт. вступ. ст. А.Н. Савенков, А.Г. Звягинцев. — Москва : Связь Эпох, 2021. — 464 с.
17. Кельзен Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015. — 542 с.
18. Нерсисянц В.С. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму / В.С. Нерсисянц. — Москва : Рос. право, 1992. — 349 с.
19. Нерсисянц В.С. Право — математика свободы. Опыт прошлого и перспективы / В.С. Нерсисянц. — Москва : Юрист, 1996. — 157 с.

20. Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали / Г.Л.А. Харт. — EDN JZATSN // Правоведение. — 2005. — № 5. — С.102–136.
21. Фуллер Л.Л. Позитивизм и верность праву: Ответ профессору Харту / Л.Л. Фуллер. — EDN JZAUDR // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2005. — № 6. — Р. 124–159.
22. Алексеев С.С. Крушение права. Полемиические заметки / С.С. Алексеев // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7: Философия права и теория права. — Москва : Статут, 2010. — 520 с.

REFERENCES

1. Marks K. *Das Kapital. Kritik der Politischen Ökonomie*. Berlin, 1867, vol. I. 508 p. (Russ. ed.: Marks K. *Capital*. Moscow, 1949. Vol. I. 932 p.).
2. Lenin V.I. *Collected works*. 3rd ed. Moscow, 1935. Vol. 30, 482 p.
3. Goncharov I.A. *На родине*. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1987. 397 p.
4. Kant I. *Metaphysik der sitten*. Leipzig, 1870. 344 p. (Russ. ed.: Kant I. *Metaphysics of morals*. Moscow, Rodina Publ., 2019. 272 p.).
5. Arendt H. *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. London, 1963. 400 p. (Russ. ed.: Arendt H. *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. Moscow, Evropa Publ., 2008. 424 p.).
6. Berdyaev N.A. The Spiritual State of the Modern World. *Put' = The Way*, 1932, no. 35, pp. 56–68. (In Russian).
7. Buller A. V.S. Soloviev and modernity: On some aspects of philosophy V.S. Solovyov. Moscow, Nauka Publ., 2018. 135 p.
8. Lenin V.I. Party organization and party literature. *Complete Works*. 5th ed. Moscow, 1968. Vol. 12, pp. 99–105. (In Russian).
9. Zimbardo F. *The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil*. New York, 2007. 576 p. (Russ. ed.: Zimbardo F. *The Lucifer Effect*. Moscow, Al'pina Nonfikshn Publ., 2014. 744 p.).
10. Vereshchagin O.A., Belova N.E. Frame-Analytics: the Experience of Epistemological Research. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2015, iss. 6, pp. 302–306. (In Russian). EDN: YIDFMH.
11. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Overton Window as Manipulative Matrix of Political Management. *Obozrevatel = Observer*, 2015, no. 4, pp. 83–93. (In Russian). EDN: TORFBD.
12. Annan K.A. The Media and the Rwanda Genocide. London, 2007. 480 p.
13. Nietzsche F.W. *The Complete Works*. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2005–2014. vol. 2–6.
14. Lerner M.J., Miller D.T. Just world research and the attribution process: Looking back and forward. *Psychological Bulletin*, 1978, vol. 85, pp. 1030–1051.
15. Lerner M.J., Simmons M.J. Observer's reaction to the «innocent victim»: Compassion or rejection? *Journal of Personality and Social Psychology*, 1966, no. 4, pp. 203–210.
16. Savenkov A.N., Zvyagintsev A.G. Find guilty. Verdict of the International Military Tribunal in Nuremberg. Moscow, Svyaz' Epokh Publ., 2021. 464 p.
17. Kelsen H. *Pure Theory of Law*. Berkeley, 1967. 356 p. (Russ. ed.: Kelsen H. *Pure Theory of Law*. 2nd ed. Saint Petersburg, Alef-Press Publ., 2015. 542 p.).
18. Nersesyants V.S. Our path to law. From socialism to civilism. Moscow, Rosciiskoe pravo Publ., 1992. 349 p.
19. Nersesyants V.S. Law is the mathematics of freedom. Experience of the past and prospects. Moscow, Yurist Publ., 1996. 157 p.
20. Khart G.L.A. Positivism and the distinction between law and morality *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 2005, no. 5, pp. 102–136. (In Russian). EDN: JZATSN.
21. Fuller L.L. Positivism and Loyalty to Law: The Answer to Professor Hart. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 2005, no. 3, pp. 124–159. (In Russian). EDN: JZAUDR.
22. Alekseev S.S. The collapse of Law. Polemic notes. Philosophy of law and theory of law. *Complete Works*. Moscow, Statut Publ., 2010. Vol. 7, 520 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вадим Викторович Антонченко — кандидат юридических наук, заместитель начальника по учебно-научной работе. Дальневосточная пожарно-спасательная академия — филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. 690922, Россия, Владивосток, о. Русский, Аякс, 27; Researcher ID AAB-4863-2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Antonchenko — PhD, Deputy Head for Educational and Scientific Work. Far Eastern Fire and Rescue Academy — Branch of St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 27, Ajax, Russian Island, Vladivostok, Russia, 690922; Researcher ID AAB-4863-2022

Поступила в редакцию / Received 14.11.2022

Доработана после рецензирования / Revised 07.02.2023

Принята к публикации / Accepted 16.03.2023